

КЪ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ

Оберъ-Прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтїа, по книгѣ В. Благовидова. Казань, 1899 года¹⁾.

Церковная жизнь въ древней Россіи была такъ тѣсно связана съ жизнью гражданской русскаго народа, что правительство церковное, такъ сказать, дѣйствовало на глазахъ у всѣхъ. Оно не составляло изъ себя таинственной среды, въ которую глазъ современниковъ и исторіи проникаетъ съ трудомъ, и въ которой скрытыя отъ взоровъ теченія проявляютъ себя неудобопонятными внѣшними явленіями, уяснить происхожденіе коихъ не легко для самой ухищренной критики. Петровскія реформы разорвали органическую связь частей народнаго организма, къ числу которыхъ принадлежатъ и органы государственнаго и церковнаго управленія, и съ тѣхъ поръ всѣ они зажили своими отдѣльными жизнями, каждая сама для себя.

Также обособилась и церковная іерархія съ ея новымъ средоточіемъ С. Синодомъ; а самъ Синодъ еще обособился отъ іерархіи общепархіальной и образовалъ такую церковную корпорацію, въ дѣятельности которой главнымъ факторомъ явилась борьба между властью іерархической и властью представителей государства, приставленныхъ къ церковному правительству. сначала въ скромной роли охранителей государственныхъ интересовъ и законовъ отъ возможныхъ нарушеній таковыхъ церковною властью, а затѣмъ постепенно обратившихся въ попечителей о церковномъ благоустроеніи и, наконецъ, въ почти полновластныхъ заправителей благоустраиваемой ими Церкви. Эта внутренняя борьба въ Синодѣ двухъ властей, свѣтской и духовной, разрѣшив-

¹⁾ Разборъ книги В. Благовидова былъ написанъ еще въ 1904 г., но вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ отпечатанъ на правахъ рукописи. Нынѣ съ любезнаго разрѣшенія Автора, коему считаемъ долгомъ принести глубочайшую благодарность, отзывъ сей печатается на страницахъ Русскаго Архива. П. В. (младшій).

шавшая за послѣднее время торжествомъ какого-то своеобразнаго гражданскаго клерикализма, была мало извѣстна въ ея исторической послѣдовательности; и едва ли кто изъ людей, даже интересующихся церковными вопросами и исторіей ихъ у насъ, зналъ, какимъ образомъ выработалась настоящая система церковнаго управления¹⁾. Очень полной справочной книгой въ этомъ отношеніи является вышедшая недавно²⁾ въ свѣтъ (въ Казани) книга г. Благовидова „Оберъ-Прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія“. На самомъ заглавномъ листѣ книги выражено весьма ясно, къ какому выводу изъ полуторавѣковой исторіи института оберъ-прокуроровъ авторъ пришелъ. Подъ общимъ заглавіемъ поставлено въ скобкахъ: „Развитіе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ“.

Такимъ образомъ *фактъ развитія* этой власти и составляетъ предметъ изслѣдованія г. Благовидова; а слѣдовательно, таковой можетъ почитаться признаннымъ не *a posteriori*, на основаніи научныхъ изслѣдованій, а сознаннымъ *a priori*, и обращеннымъ въ предметъ изслѣдованія, какъ явленіе само по себѣ общеизвѣстное. Если же это усиленіе развитія оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ фактъ общеизвѣстный, то не менѣе общеизвѣстно должно быть и умаленіе (противоположность развитію) власти іерархической въ Синодѣ: ибо предметъ вѣдѣнія Синода въ его цѣлости неизмѣненъ—Церковь, въ ея внѣшнемъ благоустройствѣ. Если же въ общемъ дѣлѣ участіе одной изъ заправляющихъ сторонъ увеличивается, то ясно, что участіе другой стороны на столько же уменьшается. Такимъ образомъ, исторія развитія власти об.-прокурорской въ С. Синодѣ непременно предполагаетъ и исторію умаленія власти Синода іерархическаго. Надо надѣяться, что г. Благовидовъ дастъ намъ со временемъ продолженіе своего труда въ этомъ направленіи. Умаленіе есть, конечно, само по себѣ понятіе отрицательное и, какъ таковое, неудобно укладывается въ форму положительнаго повѣствованія; но результаты умаленія сами по себѣ отлагаются въ формѣ положительныхъ явленій, по преимуществу связанныхъ съ изображеніемъ типовъ исполнителей умаляющейся постепенно роли. Если противополжить исторіи постепенно крушащихся личностей оберъ-прокуроровъ, начиная съ почти горемычнаго Болтина, а кончая, какъ дѣлаетъ авторъ, абсолютно триумфаторской личностью гр. Протасова, таковую же первоприсутствующую

1) Въ средѣ церковниковъ распространено такое, шуточное, конечно, выраженіе: есть два Синода—Святѣйшій и Правительствующій: благословиться надо у перваго, а считаться со вторымъ.

2) 1899 г.

щихъ и другихъ членовъ Синода, то исторія развитія современной синодальности получилась бы очень полная и живая.

Когда Петръ создавалъ свой Духовный Коллегіумъ, онъ, видимо, интересовался только однимъ—упразднить личный элементъ въ высшемъ церковномъ управленіи; а что выйдетъ на пользу дѣла отъ новаго коллегіальнаго учрежденія, поставленнаго на мѣсто Патріарха, это его очень мало занимало¹⁾. Духовный Регламентъ не столько законъ для руководства, сколько оправдательный актъ дѣлаемой реформы церковнаго управленія. Даже самое положеніе Синода въ ряду другихъ правительственныхъ учреждений было имъ неточно опредѣлено. Сначала Синодъ былъ поставленъ на одну линію съ Коллегіями, а затѣмъ, по представленію его же самого, уравниенъ съ Сенатомъ. Такое легкое удовлетвореніе ходатайства Синода Петромъ указываетъ явно на то, что ему нужно было только сломить Патріаршество; а разъ дѣло сдѣлано, торговаться съ Синодомъ о степени его важности—не стоитъ. Пускай онъ себя утѣшаетъ тѣмъ, что онъ важнѣе Коллегіи и равенъ Сенату! Отъ этого уже будетъ ни хуже, ни лучше.

Указомъ 11 Мая 1722 года учреждена была должность оберъ-прокурора въ лицѣ полковника Ивана Васильевича Болтина. Но, несмотря на существенное различіе между атрибутами Сената и Синода, для него не потрудились даже составить особой инструкціи, давъ лишь дословную копію съ генераль-прокурорскаго наказа, съ замѣной лишь названій самой должности и того высшаго государственнаго учрежденія, при которомъ ему состоятъ. Авторъ книги замѣчаетъ тутъ, что роль, какую играли синодальные оберъ-прокуроры въ церковномъ управленіи въ первое время послѣ учрежденія Синода, была далеко не похожа на ту, какую они получили возможность выполнять въ²⁾ первой половинѣ настоящаго (XIX) столѣтія. „Въ это время большинство об.-прокуроровъ фактически не располагало сильнымъ влияніемъ на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи... въ первой же половинѣ XIX столѣтія представители личнаго начала стали въ сильно измѣнившіяхся отношеніяхъ къ Синоду“. Постепенное развитіе этихъ измѣняющихся послѣдовательно отношеній авторъ излагаетъ при перечисленіи смѣнявшихся оберъ-прокуроровъ. Болтинъ занималъ должность свою съ 1722 по 1725 годъ. Во все это время онъ почти только спорилъ съ членами

1) „Отъ коллегіальнаго управленія нельзя ожидать мятежей, яковѣ происходятъ отъ единоличнаго собственнаго правителя духовнаго. А когда еще видятъ народъ, что соборное сіе Правительство Монаршимъ Указомъ и Сенатскимъ приговоромъ установлено есть, то и паче пребудетъ въ кротости своей“... Ср. Д. Регл.—Что есть Дух. Коллегіумъ.

2) Точнѣе было бы сказать „съ“.

Синода о цифрѣ слѣдующаго имъ жалованья; но, не получая самъ никакого опредѣленнаго жалованья, онъ попалъ въ зависимость отъ Синода, располагавшаго денежными средствами; и наконецъ, вмѣшавшись въ ссору Θεοφана Прокоповича съ Θεοδοсіемъ Яновскимъ, былъ лишенъ должности, приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь, съ правомъ, впрочемъ, получить тамъ должность, каковую въ послѣдствіи и получилъ.

Болтинъ былъ замѣщенъ въ 1725 г. л.-г. капитаномъ Баскаковымъ. Его положеніе хотя и было нѣсколько возвеличено тѣмъ, что онъ являлся единственнымъ посредникомъ между Синодомъ и новоучрежденнымъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, тогда какъ при Петрѣ часто сношенія между Государемъ и Синодомъ шли черезъ членовъ Синода самихъ; но и онъ продолжалъ быть въ матеріальной зависимости отъ Синода, ибо опредѣленнаго правительственнаго оклада ему еще не было назначено, а долженъ онъ былъ обращаться къ Синоду съ просьбой о назначеніи и выдачѣ ему содержанія.

Дѣйствительное вліяніе оберъ-прокурорской власти въ области церковнаго управленія было еще такъ слабо и ничтожно, что нѣкоторыя предложенія оберъ-прокурора оставались безъ исполненія не только Синодомъ, но и низшими органами синодальнаго управленія. При такомъ зависимомъ положеніи, об.-прокуроръ не представлялъ для Синода чего-либо особенно стѣснительнаго; и даже наоборотъ: Синодъ видѣлъ въ немъ какъ бы символъ своего собственнаго первенствующаго значенія, и потому, когда указомъ 24 Іюня 1726 года, Екатерина I уничтожила эту должность и назначила на мѣсто Баскакова простаго прокурора въ лицѣ Раевского, то Синодъ не обратилъ на него вниманія, оставилъ Баскакова продолжать свои об.-прокурорскія функціи, а самъ, въ противность то же указу, лишившему его званія „Правительствующаго“, продолжалъ неуклонно титуловать себя таковымъ. Баскаковъ былъ окончательно отставленъ отъ должности только при Аннѣ Ивановнѣ, „за оплошку противъ должности прокурорской“, такъ какъ онъ не протестовалъ синодскаго рѣшенія о необязательности сенатскаго указа, основаннаго на указѣ Петра I.

Съ 1730 по 1740 годъ, *оберъ-прокурорская должность оставалась совершенно не замѣщенной*; и только въ этомъ году, когда въ Сенатѣ возстановлена была должность ген.-прокурора, Синодъ получилъ себѣ новаго оберъ-прокурора (но уже зависимаго отъ сенатскаго ген.-прокурора), въ лицѣ генераль-провіантмейстера Кречетникова. Ему однако не суждено было вступить въ должность, такъ какъ государственный переворотъ, свергнувшій Бирона, уничтожилъ и утвержденный имъ

законъ о преобразованіи прокуратуры; и только съ восшествіемъ на престоль Елисаветы, возстановлена была прокуратура вообще и оберъ-прокурорская должность въ Синодѣ, въ лицѣ князя Я. П. Шаховскаго, избраннаго на оную ген.-прокуроромъ княземъ Трубецкимъ. Это назначеніе, по мнѣнію г. Благовидова, знаменуетъ начало второго періода въ исторіи оберъ-прокурорства.

Хотя съ назначеніемъ князя Шаховскаго, высшій органъ церковнаго управленія по прежнему еще обнаруживалъ явное стремленіе парализовать фактическое вліяніе об.-прокурорской власти на ходъ дѣлъ; но въ отношеніяхъ Шаховскаго къ коллегіальному церковному учрежденію замѣтны новыя черты, не имѣвшія мѣста въ предшествовавшее время. Возстановленная въ лицѣ кн. Шаховскаго должность подпала не на долго зависимости отъ генераль-прокурора Сената, сдѣлавшаго даже распоряженіе о томъ, чтобы синодальный об.-прокуроръ представлялъ доклады не Государынѣ, а ему ген.-прокурору. Но Шаховской сумѣлъ пріобрѣсти личное расположеніе Елисаветы, и она велѣла ему непосредственно докладывать ей по дѣламъ синодальнымъ и получать отъ нея указы и словесныя распоряженія. Съ того времени, замѣчаетъ Шаховской, въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, „рѣдко недѣля проходила безъ того, чтобы я не имѣлъ счастья являться къ Государынѣ для личныхъ докладовъ“. Хотя появленіе его въ Синодѣ встрѣчено было членами онаго благосклонно, тѣмъ не менѣе вскорѣ начались между княземъ Шаховскимъ и ими большіе споры и несогласія, „къ чему онъ поучаться и пріуготовляться всеприлежно тщится началъ“. Единовременно съ этимъ, онъ однако убѣдился, что борьба ему не советѣмъ по силамъ такъ какъ „существующія въ Синодѣ духовныя особы превосходятъ его разумомъ и краснорѣчивымъ о своихъ дѣлахъ толкованіемъ“¹⁾. Кромѣ того и личное сношеніе многихъ изъ нихъ съ самой Государыней (по старинному преданной Церкви и радѣвшей о ней) и съ графомъ А. К. Разумовскимъ дѣлало борьбу съ ними очень трудной. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ самой усердной работы и при неукоснительномъ стараніи вліять на всѣ отрасли церковной жизни, не только хозяйственныя, но и чисто церковно-административныя, князь Шаховской пришелъ къ заклю-

---

¹⁾ Такое признаніе несомнѣнно умнаго человѣка не говоритъ ли въ пользу того, что сравнительно свободно составившійся Синодъ состоялъ дѣйствительно въ лицѣ своихъ членовъ довольно высоко. При многолѣтнемъ отсутствіи прокурорскаго надзора, надо думать, что пополненіе синодальнаго присутствія дѣлалось болѣе или менѣе путемъ самовосполненія. Нельзя никакъ сочувствовать такому порядку; но несомнѣнно, что есть другой способъ восполненія, который еще хуже этого.

ченію, что Синодъ не придаетъ особо важнаго значенія его обширнымъ правамъ и полномочіямъ и весьма мало ими стѣсняется. „Чтобы дѣла въ Синодѣ въ надлежащее состояніе привести, возможности моей нѣтъ“, писалъ князь Шаховской Императрицѣ 15-го Іюня 1745 года. Но Государыня не имѣла видимо желанія усилить вліяніе своего представителя въ Синодѣ, а наоборотъ все болѣе высказывала свое довѣріе и расположеніе самому Синоду, возвративъ ему даже управленіе всѣми церковными имуществами, подчиненными дотошъ Сенату чрезъ Коллегію Экономіи. Въ достиженіи сего Синоду содѣйствовалъ самъ Шаховской, вѣроятно, потому, что подчиненіе Синоду всѣхъ хозяйственныхъ дѣлъ, по управленію церковными имуществами должно было увеличить и кругъ дѣятельности самого об.-прокурора. Но именно эта самая передача экономическихъ дѣлъ въ вѣдѣніе Синода послужила источникомъ новыхъ столкновеній между Синодомъ и об.-прокуроромъ, вызвавшихъ, наконецъ, любопытный инцидентъ *оставленія об.-прокурора Синодомъ безъ жалованія въ теченіе почти года*. Это дѣло интересно тѣмъ, что обнаруживаетъ настоящій взглядъ Елисаветы на роль своего представителя въ Синодѣ. Она видимо не считала себя абсолютно солидарной съ одной лишь стороной въ этомъ конфликтѣ, и даже какъ бы хотѣла отгнѣнить, что не придаетъ излишняго значенія роли прокурора, которую князь Шаховской усиленно старался раздуть. Такое же возрѣніе выразила она по дѣлу о судѣ надъ однимъ архимандритомъ, кончившемся тѣмъ, что она велѣла сдѣлать строгое замѣчаніе об.-прокурору чрезъ генераль-прокурора, добавивъ, что слѣдуетъ строго наказывать тѣхъ, „кто тайности изъ Синода выносить“. Борьба Синода съ княземъ Шаховскимъ иногда обострялась до того, что синодальные члены колѣнопреклоненно умоляли Императрицу избавить ихъ отъ назойливаго оберъ-прокурора; и хотя князь Шаховской не былъ удаленъ, но все таки ему не удалось добиться—ни настоящаго вліянія на ходъ дѣлъ, ни даже того, чтобы быть единственнымъ посредникомъ между верховной властью и Синодомъ. Въ 1735 году князь Шаховской былъ переведенъ на должность генераль-кригсъ-коммиссара.

Его преемники, въ теченіе царствованія Императрицы Елисаветы, хотѣли идти по его стопамъ: но ни Львовъ¹⁾, ни князь Козловскій

¹⁾ Въ прокурорство Львова, а именно въ 1754 году, былъ объявленъ Синоду указъ объ обязательномъ назначеніи и Велико-Россіянъ на кафедры архіерейскія и архимандритскія. Впервые такое же распоряженіе было сдѣлано Анной Ивановной, но видимо силы малороссійской партіи были такъ велики, что только послѣ вторичнаго Высочайшаго повелѣнія уничтожился повсемогучій обычай, который имѣлъ такое важное вліяніе на судьбу нашей церкви, введеніемъ въ ученіе оной западныхъ понятій, свойственныхъ лицамъ, выходившимъ изъ школъ, пропитанныхъ латинско-протестантскимъ духомъ.

не сумѣли удержать въ своихъ рукахъ то фактическое вліяніе, которое пріобрѣлъ князь Шаховской своей энергіей и настойчивостью. Львова одинъ изъ членовъ Синода, епископъ переяславльскій Амвросій, официальной запиской обвинялъ въ томъ, что онъ „по своему лакомству“, ожидалъ отъ него взятокъ, при чемъ перечислялъ рядъ взятокъ его съ разныхъ монастырей его епархіи; и Синодъ подалъ по этому поводу на Высочайшее имя докладъ.

Львовъ былъ уволенъ, и на его мѣсто поручено было Сенату представить четырехъ кандидатовъ. Синодъ хотѣлъ было провести и своего кандидата, но это ему не удалось: назначенъ былъ премьеръ майоръ л.-гвардіи, князь Козловскій. Пока царствовала Елисавета, отношенія между Синодомъ и гражданскою властью не измѣнялись. Въ 1760-мъ году назначенный генераль-прокуроромъ, князь Шаховской началъ было опять вмѣшиваться въ церковныя дѣла, памятуя свое прежнее положеніе об.-прокурора, и желая вѣроятно своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла Синода достигнуть распространенія своей власти и на дѣятельность оберъ-прокурора, какъ того хотѣлъ бывшій генераль-прокуроръ князь Трубецкой, когда онъ назначалъ самого князя Шаховского на эту должность. Но это обстоятельство имѣло болѣе между-чиновничье значеніе; а Синодъ самъ не почувствовалъ на себѣ никакихъ отъ сего послѣдствій. Елисавета была слишкомъ русскій человекъ, чтобы относиться подозрительно къ церковному управленію. Ее, пропитанную понятіями старинными, не могли пугать страхи передъ силой клерикализма, сочиненнаго у насъ воображеніемъ по западному преобразовавшемуся правительству; и только ея преемникамъ опять представилось необходимымъ систематически обуздывать Церковь, обезсиливая ее въ матеріальномъ отношеніи, подчиняя все болѣе правительственному контролю, и наконецъ постепенно обращая ея представителей въ государственныхъ чиновниковъ, каковыми ихъ впервые обозвала Екатерина, а въ такомъ званіи окончательно закрѣпилъ Павелъ I, въ этомъ единственномъ отношеніи, къ удивленію, явившись ея продолжателемъ. Князь Козловскій оставался оберъ-прокуроромъ при Петрѣ III и былъ свидѣтелемъ отнятія церковныхъ имуществъ Петромъ, временнаго возвращенія ихъ Екатериной и участникомъ въ ея мѣропріятіяхъ, имѣвшихъ цѣлью замаскировать окончательное отнятіе этихъ имуществъ согласіемъ и даже просьбой самихъ представителей Церкви. Отнятіе у Церкви имуществъ, кромѣ фискальной цѣли, имѣло, конечно, еще болѣе цѣлью отнятіе у церковнаго правительства всякой тѣни независимости, и дѣйствительно съ самаго начала своего царствованія Екатерина заявила официально, что

Синодъ „Нашъ“: „Нашему Синоду“¹⁾, такъ обращалась она къ нему. Члены его „государственныя особы“; и какъ особы эти, такъ и всѣ церковныя учрежденія, были переведены ею на казенное содержаніе, тогда какъ доселѣ они получали таковое изъ церковныхъ средствъ, лишь контролируемыхъ государственною властью.

Для проведенія екатерининскихъ мѣропріятій князь Козловскій оказался недостаточно энергичнымъ, и его замѣстилъ въ 1763 г. бывшій директоръ московскаго университета Ив. Ив. Мелиссино, личность, по словамъ автора разсматриваемой нами книги, вполне раздѣлявшая воззрѣнія на религію и церковь, господствовавшія въ передовой части современнаго Екатеринѣ общества. Каковы были воззрѣнія этого новаго представителя Высочайшей власти въ Синодѣ, пользовавшагося и непосредственнымъ благоволеніемъ Императрицы, видно изъ его предложенія Синоду, по поводу предстоящаго избранія таковымъ депутата въ комиссію объ уложеніи, въ 1767 году. При этомъ предложеніи приложены были пункты въ формѣ вопросовъ, но составленные такъ, что вопросная форма, видимо, выражала и желательныя на оныя отвѣты. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ: „Не слѣдуетъ ли предоставить совершенную свободу вѣроисповѣданія иностранцамъ, приглашаемымъ правительствомъ?“— „Не слѣдуетъ ли предоставить раскольникамъ публично совершать свое богослуженіе и имѣть собственное духовенство?“— „Не слѣдуетъ ли въ „разсужденіи Св. Писанія“ позаботиться объ ослабленіи и сокращеніи православныхъ постовъ?“— „Не слѣдуетъ ли очистить Церковь отъ суевѣрія и всѣхъ притворныхъ чудесъ?“— „Не слѣдуетъ ли запретить ношеніе по домамъ церковныхъ иконъ?“²⁾— „Нельзя ли чего убавить изъ продолжительныхъ церковныхъ обрядовъ и отмѣнить многіе праздничные дни?“ Приводя слова Евангелія о неумѣстности языческаго многословія въ христіанскихъ молитвахъ и отмѣчая введеніе въ наше богослуженіе множества стихирь, тропарей и каноновъ, не имѣвшихъ мѣста въ первенствующей церкви, предлагается обсудить вопросъ: „не полезнѣе ли будетъ вмѣсто всенощень и вечерень установить чтеніе краткихъ молитвъ, съ обязательнымъ поученіемъ народа?“— „Не слѣдуетъ ли, по примѣру первенствующей церкви, дозволить и епископамъ съ законными женами сожитіе имѣть?“— „Не слѣдуетъ ли разрѣшить духовенству ношеніе болѣе приличнаго платья?“— „Не благоразумнѣе ли будетъ совершенно отмѣнить обычай поминовенія усопшихъ, имѣющаго цѣлью оказать извѣстное вліяніе

1) Такъ обращалась къ Синоду и Анна Ивановна. Ср. Полное Собр. Пост., я т. д. Св. Синода.

2) Такое запрещеніе было нѣкогда издано Петромъ I.

на ихъ загробную жизнь; такъ какъ подобный обычай даетъ только лишній поводъ духовенству къ вымогательству?“— „Не слѣдуетъ ли наконецъ ослабить строгость закона о незаконченіи браковъ въ близкомъ родствѣ и свойствѣ, установить причины для законнаго развода, кромѣ прелюбодѣйнаго случая; и не воспрещать послѣ третьяго брака вступать снова въ бракъ?“ Но и Мелиссино, съ своимъ либеральнымъ возрѣніемъ, не вполнѣ выражалъ собою то направленіе, которое желала проявлять Екатерина въ отношеніяхъ къ Сѣноду.

Мелиссино былъ замѣненъ въ 1768 году бригадиромъ Петр. Петр. Чебышевымъ, не стѣснявшимся публично заявлять о своемъ атеистическомъ образѣ мыслей (Фонъ-Визинъ, изд. 1866 г., стр. 550), и въ отношеніи къ членамъ Сѣнода допускавшимъ такую грубость и несдержанность, что свое неудовольствіе ихъ рѣшеніями сопровождалъ онъ „чуть слышно“ (а все-таки слышно) „гнилымъ словомъ“. Назначеніе такихъ лицъ на оберъ-прокурорскую должность, конечно, не могло быть случайнымъ. Но если Императрица и хотѣла этимъ намекнуть на свое собственное свободомысліе, для внушенія сѣнодальнымъ членамъ, тѣмъ не менѣе она вовсе не стремилась усилить личную власть оберъ-прокурора и нерѣдко сносила съ Сѣнодомъ помимо его, и даже часто принимала сторону сѣнодальныхъ членовъ противъ своего же представителя.

Чебышевъ былъ устраненъ отъ должности въ 1774 году за денежные порядки и замѣненъ стат. сов. Акчуринымъ. Акчуринъ игралъ совершенно пассивную роль въ теченіе двѣнадцати лѣтъ своего оберъ-прокурорства и старался только угождать сѣнодальнымъ членамъ, пользовавшимся благосклонностью Императрицы. Онъ былъ угодливъ и низкопоклоненъ передъ ними, за что, по ходатайству митрополитовъ Гавріила и Платона, получалъ солидныя награды.

Его преемникъ Наумовъ не внесъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій въ роль оберъ-прокурора. Въ своихъ отношеніяхъ къ Сѣноду онъ былъ непритязателенъ, а въ отношеніи къ гражданской власти не превозносилъ себя, а, наприм., относился къ генераль-прокурору, какъ лицо іерархически подчиненное, „рапортами“.

Въ 1791 году онъ былъ замѣненъ графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Вліятельное положеніе сѣнодальныхъ членовъ при Дворѣ дѣлало то, что дѣловитому человѣку, какимъ былъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, не представлялось выгоднымъ вступать съ ними въ столкновенія, въ которыхъ Высочайшая власть не всегда поддерживала своего представителя. Екатерина, словившая послѣдніе

устои церковной независимости отнятіемъ имущества и объявившая іерарховъ „государственными особами“, не находила нужнымъ стѣснять Синодъ въ чисто-церковныхъ вопросахъ. Посему графъ Мусинъ-Пушкинъ обратилъ лишь особое вниманіе на усиленіе своей роли въ отношеніи канцелярскомъ; иначе сказать, онъ первый началъ забирать въ руки дѣлопроизводство Синода и такимъ образомъ подготовилъ позднѣйшій переходъ всей внѣшней дѣятельности высшаго церковнаго управленія въ руки своихъ преемниковъ.

Павелъ Петровичъ смѣнилъ его въ 1797 году и замѣстилъ княземъ Хованскимъ, который пошелъ неуклонно по стопамъ своего предшественника, такъ что значеніе оберъ-прокурора и при немъ нисколько не умалилось, хотя Императоръ самъ не только не старался объ увеличеніи значенія прокуратуры, но напротивъ того, очень выдвигалъ самихъ синодальныхъ членовъ и особенно первенствующаго члена, митрополита Амвросія. Но чѣмъ менѣе сами государи стремились къ подавленію іерархическаго элемента въ дѣлахъ церковной администраціи, тѣмъ болѣе насажденное ими же свѣтско-канцелярское начало „само о себѣ заботилось“ и старалось всячески увеличивать свое участіе въ дѣлахъ церковной администраціи, незамѣтно и постепенно все болѣе и болѣе вплетаясь во всѣ дѣла, сначала центрального управленія, потомъ епархіальнаго, при посредствѣ секретарей консисторій и такимъ образомъ незримо и, можетъ быть, для самого себя безсознательно растя и развиваясь, вслѣдствіе внутренняго процесса развитія бюрократическаго начала, которое, разъ посаженное въ благопріятную почву, развивается и старается все оплестъ своими многочисленными вѣтвями и корнями. Въ синодальномъ устройствѣ была дана самая благопріятная почва для развитія бюрократизма, благодаря тому, что онъ выражался въ единоличномъ дѣятелѣ, противопоставленномъ коллективному учрежденію. Борьба между такими факторами непремѣнно должна кончиться побѣдой начала личнаго. Опасаясь личнаго начала въ іерархическомъ строѣ церкви, Петръ Великій устранилъ его и замѣнилъ его безвольнымъ, безличнымъ началомъ коллегіальности; но, вѣроятно, ни онъ, ни его преемники не имѣли сознательной цѣли замѣнить одну форму единоличности другой въ управленіи Церковью. Они довольствовались обезличеніемъ, въ виду западнаго представленія объ опасности Церкви для Государства, особенно если ея владѣетъ честолюбивый и властолюбивый іерархъ (Никонъ, напр.)¹⁾. Но эта цѣль вполнѣ достигалась учрежденіемъ Синода. Приставленный къ

¹⁾ Ср. Дух. Регламентъ, часть первая.

нему, по общему петровскому шаблону оберъ-прокуроръ назначался лишь для наблюдательныхъ функцій, и ему вовсе не предполагалось дать активной власти. Эта власть сама по себѣ, безъ всякаго вчинательнаго участія въ этомъ Государей, перешла къ об.-прокурору, ибо иначе и быть не могло: администрація такое дѣло, которое требуетъ личной инициативы; она основана на началѣ личномъ. Единственный представитель начала личного, безотносительно къ вопросу о томъ, кого оно представляетъ, явился оберъ-прокуроръ: и вотъ уже черезъ 80 лѣтъ послѣ основанія Синода, эта должность начинаетъ себя заявлять, какъ очень и очень властная, съ тѣмъ, чтобы еще черезъ нѣсколько десятилѣтій занять ту самозданную роль, которую она играетъ въ настоящее время, и которую она уже болѣе не утратитъ никогда, если только самый порядокъ церковнаго управленія не будетъ измѣненъ когда нибудь въ духѣ настоящей церковности.

Князь Хованскій былъ, повидимому, человекъ не особенно властолюбивый и ничѣмъ особеннымъ не выдающійся. Онъ былъ хорошій, усердный чиновникъ,—не болѣе; но положеніе вещей настолько уже созрѣло само по себѣ, что онъ сразу явился въ такомъ властномъ положеніи въ Синодѣ, въ каковомъ не былъ еще никто изъ его предшественниковъ. Онъ первый является дѣйствительнымъ участникомъ въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, тогда какъ всѣ предшественники его ограничивались лишь участіемъ въ дѣлахъ собственно Синодскихъ, хотя они давно уже подготовляли себѣ почву для активнаго вмѣшательства въ дѣла епархіальныя. Но при князѣ Хованскомъ это участіе въ постоянномъ наблюденіи за ходомъ епархіальнаго управленія дошло до значительнаго развитія. „Получая официальные свѣдѣнія о состояніи епархіальнаго управленія посредствомъ ежемѣсячныхъ донесеній секретарей духовныхъ консисторій, оберъ-прокуроръ въ то же время имѣлъ еще возможность узнавать о различныхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ мѣстныхъ представителей церковной администраціи, путемъ частныхъ донесеній и жалобъ, не рѣдко поступавшихъ къ князю Хованскому отъ епархіальныхъ преосвященныхъ и пострадавшихъ лицъ изъ низшаго духовенства; и Синодъ, въ большинствѣ случаевъ, поступалъ согласно съ предложеніями князя Хованскаго“. Такими словами, авторъ разсматриваемой книги опредѣляетъ роль оберъ-прокурора, какъ она выразилась въ началѣ настоящаго столѣтія, и въ ней уже ясно видно, какая огромная перемѣна совершилась въ положеніи этого лица, со времени основанія самой должности: и какъ близко было уже тогда появленіе оберъ-прокурора, по типу графа Протасова, типу, оставшемуся принадлежностью этой должности и впредь. До какой степени

мало желали сами государи создать въ лицѣ оберъ-прокурора власть, стѣснительную для самостоятельной дѣятельности Сѹнода въ церковныхъ дѣлахъ, явствуетъ особенно изъ того факта, что князь Хованскій былъ уволенъ въ 1799 году, по жалобамъ на него Сѹнода; и даже замѣщеніе должности оберъ-прокурора было предоставлено митрополиту Амвросію, по сѹнодальному представленію. Такой образъ дѣйствій Императора Павла явно указываетъ, что онъ вовсе не желалъ усилить ни власти, ни даже положенія об.-прокурора.

Графъ Д. И. Хвостовъ, утвержденный въ прокурорствѣ по представленію Сѹнода, былъ дѣйствительно менѣе вчинателенъ, чѣмъ его предмѣстникъ; но хотя графъ Хвостовъ и не имѣлъ личныхъ качествъ князя Хованскаго, тѣмъ не менѣе кругъ дѣятельности его самъ по себѣ не умалился, и онъ, такъ же какъ и его предшественникъ, входилъ во всѣ подробности церковнаго управленія, такъ какъ въ самомъ вѣдомствѣ духовномъ успѣла уже сложиться привычка, по которой дѣла сосредоточивались въ рукахъ об.-прокурора, на котораго стали смотрѣть какъ на настоящую движущую силу въ Сѹнодѣ.

Александръ Павловичъ замѣнилъ графа Хвостова Александромъ Алексѣевичемъ Яковлевымъ въ 1802 году. Въ немъ прокуратура нашла себѣ представителя, вполне способнаго воспользоваться всѣми прерогативами, выработанными его предмѣстниками, и еще болѣе ихъ усилить. Назначеніе Яковлева было понято и членами Сѹнода въ неблагопріятномъ для себя смыслѣ; почему они чрезъ митрополита Амвросія предложили было новому оберъ-прокурору соединить воедино интересы обѣихъ сторонъ. Яковлевъ отказался отъ такого союза и началъ, наоборотъ, сильно ратовать за значеніе своего поста; и хотя Государь и пожертвовалъ имъ, по настоянію объ его удаленіи членовъ Сѹнода, но все-таки за короткій срокъ своего оберъ-прокурорства Яковлевъ успѣлъ отвоевать такія привилегіи, которыя положили краеугольный камень всей дальнѣйшей дѣятельности этихъ сановниковъ. Ему удалось отнять у первенствующаго члена право сноситься съ кѣмъ-либо изъ гражданскихъ должностныхъ лицъ: вся переписка и производство были изъяты изъ вѣдѣнія сѹнодальнаго присутствія, до такой степени, что члены Сѹнода не могли уже болѣе получать справокъ изъ дѣлъ безъ разрѣшенія оберъ-прокурора. Епархіальное управленіе было тоже взято въ опеку оберъ-прокуроромъ, чрезъ предоставленіе ему исключительнаго права назначать секретарей консисторій; что вполне вознаградило за неудавшееся предположеніе о назначеніи въ каждую епархію прокуроровъ. Хотя Государь и утвердилъ этотъ послѣдній проектъ Яковлева, но по жалобѣ членовъ Сѹнода, онъ былъ отмѣненъ;

равно не было утверждено Государемъ предложеніе Яковлева объ измѣненіи порядка назначенія епископовъ. Краткое оберъ-прокурорство Яковлева можетъ почитаться эпохой начинавшагося полного торжества этого института; но опять-таки нельзя не видѣть, что усиленіе онаго шло не отъ непосредственной воли царской, а зависѣло главнымъ образомъ отъ общаго подъема бюрократизма въ эпоху Александра¹⁾). Созданіе министерствъ отразилось благопріятно на положеніи оберъ-прокурора, какъ бы тоже возведеннаго въ санъ министра духовныхъ дѣлъ; и хотя Яковлевъ этого званія себѣ не получилъ, но его преемникъ князь Голицынъ уже облачается официально этимъ титуломъ, главные атрибуты какового званія остаются затѣмъ принадлежностью оберъ-прокурорскаго поста, несмотря на то, что онъ не сохранилъ самаго наименованія министерскаго. Г. Благовидовъ очень вѣрно называетъ исторію прокуратуры Синодальной, „процессомъ развитія“ оной. „Ни многочисленные факты успѣшнаго противодѣйствія Снода прокуратурѣ, ни временное ослабленіе оберъ-прокурорской власти... не могли повліять отрицательнымъ образомъ на интересующій насъ процессъ и приостановить его дальнѣйшее развитіе“, говоритъ онъ. „Прокуратура, въ лицѣ ея наиболѣе достойныхъ и энергическихъ представителей... хотя очень медленно и даже съ нѣкоторыми перерывами, но постепенно и неуклонно шла къ намѣченной цѣли“.

Въ 1803 году оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, и въ его лицѣ осуществился впервые тотъ типъ оберъ-прокурора, который затѣмъ утвердился чрезъ графа Протасова, какъ неизмѣнный до нашихъ дней. Все значеніе князя Голицына заключалось въ его личныхъ отношеніяхъ къ Государю; а эти-то личныя отношенія, на почвѣ выработанныхъ до него порядковъ, дали оберъ-прокурорству его окончательную окраску. Съ одной стороны Яковлевъ уже успѣлъ лишить Снодъ всякой „дѣловой“ независимости отнятіемъ у него какого-либо отношенія къ дѣлопроизводству; это было смертнымъ приговоромъ для возможности какой-либо административной инициативы. Князь Голицынъ получилъ еще, благодаря личнымъ отношеніямъ къ Государю, и возможность, посредствомъ

¹⁾ Французская революція создала видъ бюрократизма, который процвѣлъ въ нашъ вѣкъ. Насажденіе его у насъ совершилось чрезъ цѣлую плеяду молодыхъ дѣятелей, воспитанныхъ въ духѣ началъ 1789 года, которымъ очень сочувствовали самъ Александръ Первый. Первымъ выразителемъ бюрократическаго начала былъ въ Россіи Дидеротъ, во время посѣщенія имъ Екатерины 2-й. Ср. Catherine II et Diderot... М. Tourneux, на стр. 569 онъ указываетъ ей какъ завести культуру въ Россію; въ этомъ совтѣ резюмированъ принципъ бюрократизма.

впервые Павломъ введеннаго награжденія орденами духовенства и права вызывать или не вызывать въ Синодъ тѣхъ или другихъ архіереевъ, новую силу непосредственнаго вліянія на православныхъ іерарховъ, обратившую таковыхъ постепенно въ лицъ, столь же зависимыхъ отъ оберъ-прокурора, какъ зависѣли по другимъ вѣдомствамъ всѣ служащіе отъ воли своего министра. Личныя убѣжденія князя Голицына, перешедшія, въ теченіи 20-тилѣтняго управленія Синодомъ, отъ совершеннаго невѣрія къ крайнему религіозному мистицизму, не имѣли никакого вліянія на его административную дѣятельность. Все, что онъ дѣлалъ въ качествѣ оберъ-прокурора до 1817 г. и министра духовныхъ дѣлъ до 1824 года, основано было на чисто-бюрократическомъ началѣ, въ которомъ преслѣдованіе благихъ, по его мнѣнію, цѣлей не стѣснялось никакими соображеніями объ отношеніи ихъ къ существующему болѣе или менѣе органическому порядку и строю. Едва ли онъ сознательно хотѣлъ умалить значеніе Синода. Императоръ Александръ также никогда не проявлялъ желанія отнимать у Церкви ея, въ принципѣ признаваемую независимость въ области духовныхъ функцій. И Царь и его министръ просто забывали о существованіи активной церковной власти, когда они составляли, напр., уставы духовныхъ училищъ и учреждали комиссіи для завѣдыванія ими; лица же іерархическія, хотя и видѣли, что дѣло клонится все къ большому упраздненію іерархическаго управленія дѣлами церкви, постепенно пріучались мириться съ этимъ, убаюкиваемые различными видами личныхъ отличій и выгодъ, дѣйствительную цѣну которыхъ умѣли опредѣлять лишь немногіе выдающіеся іерархи, почитавшіеся посему болѣе или менѣе подозрительными. Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ само по себѣ не имѣло большого значенія для Синода послѣ всего, что совершилось до этого. Дѣйствительнымъ прокуроромъ остался все-таки князь Голицынъ, а назначенный въ должность оберъ-прокурора, совершенно зависимый отъ министра, князь Мещерскій, являлся лишь исполнителемъ его велѣній. Это эфемерное министерство получило непреходящее значеніе для Синода лишь послѣ своего уничтоженія. По волѣ Александра въ вѣдѣніе оберъ-прокурора перешло I отдѣленіе департамента духовныхъ дѣлъ, упраздненнаго министерства. „Его Императорскому Величеству угодно“, писалъ Аракчеевъ къ князю Мещерскому, „чтобы оное оставалось въ настоящемъ его положеніи подъ именемъ отдѣленія духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія при оберъ-прокурорѣ въ Синодѣ; а опредѣленія, увольненія и награды чиновникамъ производимы были на правилахъ общаго министерскаго учрежденія“. Въ этомъ отдѣленіи сосредоточивалась вся министерская дѣятельность князя Голицына по отношенію къ Синоду.

Съ этого времени министерское значеніе навсегда осталось за синодальными оберъ-прокурорами; оно за ними еще болѣе укрѣпилось косвеннымъ приравненіемъ ихъ къ министрамъ по возлагаемымъ обязанностямъ и вытекающимъ изъ нихъ правамъ. Такое практическое значеніе оберъ-прокуроровъ постепенно переходило и въ юридическое. Такъ въ 1826 году, при составленіи новыхъ штатовъ по всѣмъ вѣдомствамъ, поручено было и князю Мещерскому, оставшемуся оберъ-прокуроромъ послѣ упраздненія министерства духовныхъ дѣлъ, представить въ государственный совѣтъ „наравнѣ съ прочими *министрами*“ штатъ и по духовному вѣдомству, что имъ и было сдѣлано безъ ближайшаго участія Св. Синода¹⁾.

Во время об.-прокуратуры князя Мещерскаго бывали однако еще случаи непосредственныхъ отношеній членовъ Синода къ Государю, а самъ Мещерскій далеко не всегда находилъ себѣ поддержку въ Государь, въ своихъ стараніяхъ объ усиленіи чиновничьяго элемента въ синодальномъ управленіи. Напр., когда онъ хотѣлъ испросить себѣ втораго чиновника за оберъ-прокурорскій столъ, то Государь ему въ этомъ отказалъ, написавъ въ резолюціи, что: „должно уменьшать, а не прибавлять число чиновниковъ“.

Въ 1833 году оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ. Несмотря на кратковременное пребываніе въ должности, онъ успѣлъ, по словамъ г. Благовидова, „оказать довольно важныя услуги интересующему насъ процессу, и въ значительной степени усилить вліяніе оберъ-прокурорской власти на разнообразныя

---

¹⁾ Очень интересна резолюція Императора Николая Павловича на докладъ князя Мещерскаго, по дѣлу о бракѣ г.-ад. Клейнмихеля. Она характеризуетъ понятіе его о церковныхъ догматахъ, объ отношеніи къ нимъ церковной власти, объ отношеніи къ ней самой оберъ-прокурора; и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какъ здраво онъ понималъ нѣкоторыя вещи, которыя не всегда ясны даже для самихъ членовъ церковной іерархіи, какъ напр. неумѣстность принципа большинства и меньшинства въ рѣшеніи вопросовъ церковныхъ. „Въ догматахъ вѣры разногласіе быть не можетъ и не должно“, пишетъ Государь: „Вамъ, какъ блюстителю законовъ, должно вразумить членамъ Синода (sic); и когда положится общее единогласное мнѣніе, основанное не на умствованіяхъ и толкованіяхъ, а на точномъ смыслѣ догматовъ, тогда мнѣ оно представить. Симвъ дѣломъ заняться не медля, ибо впредь строго вамъ запрещаю входить съ подобнымъ докладомъ, который выходитъ изъ всякаго приличія“. Видимо, оберъ-прокуроръ уже твердо отвоевалъ себѣ значеніе *руководителя* Синода; хотя въ данномъ случаѣ трудно уяснить себѣ, на основаніи какого государственнаго закона имѣлъ бы онъ право требовать отъ членовъ Синода единогласнаго рѣшенія. Вѣроятно, Государь подразумевалъ законъ церковнаго единомыслія. Но въ такомъ случаѣ оберъ-прокуроръ получаетъ уже значеніе блюстителя церковныхъ законовъ, въ которыхъ онъ долженъ наставлять архіереевъ.

стороны церковной жизни“. Нечаевъ успѣлъ въ теченіе трехъ лѣтъ ввести контроль надъ всѣми синодальными и церковными суммами, зависящій непосредственно отъ оберъ-прокурора; ввести организованное жандармское негласное наблюденіе надъ архіереями, воспользовавшись дѣломъ нижегородскаго епископа Амвросія; и наконецъ ввести практику назначенія на вакантныя каѳедры кандидатовъ по своему представленію, минуя представленныхъ Синодомъ лицъ. Когда изъ-за этого послѣдняго обстоятельства вышло сильное пререканіе между синодальными членами и оберъ-прокуроромъ, Нечаевъ будто бы сказалъ въ присутствіи канцеляріи: „я докажу этимъ калугерамъ, что такое оберъ-прокуроръ“. Но ему не удалось исполнить своей угрозы. Его преемнику, графу Протасову, предоставлено было дать ей настоящее примѣненіе, а послѣ него уже не представлялось болѣе нужды въ доказательствѣ того, что сдѣлалось слишкомъ очевиднымъ.

Назначеніе графа Протасова 25-го Іюля 1836 года было встрѣчено съ радостью многими и самыми видными представителями іерархіи, въ числѣ коихъ воронежскій архіепископъ Антоній выражался такъ, по поводу назначенія графа, въ письмѣ, обращенномъ къ нему: „Не могу не воскликнуть Слава Богу! Слава Богу, сіятельный графъ, что Онъ внялъ молитвенному желанію рабовъ своихъ... Слава Богу, что промыслительная десница Его ввѣрила попеченіе о благѣ церкви мужу по сердцу Своему!“

Но замѣна Нечаева графомъ Протасовымъ оказалась лишь окончательнымъ фазисомъ борьбы іерархическаго начала съ бюрократическимъ: побѣда послѣдняго была полная.

Для облегченія Синода отъ дѣлъ второстепенныхъ и для того, чтобъ онъ могъ исключительно предаться высшему церковному служенію, а такжѣ и для усовершенствованія порядка въ дѣлахъ, при графѣ Протасовѣ введены были всѣ тѣ учрежденія для завѣдыванія различными отраслями церковнаго управленія, которыя передали ихъ въ руки оберъ-прокурора. 1-го Марта 1839 года Протасовъ представилъ Государю докладъ, вслѣдствіе коего учредились при Синодѣ: 1) канцелярія собственно Синода, 2) канцелярія оберъ-прокурора, 3) духовное учебное управленіе и 4) хозяйственное отдѣленіе, исключительно зависящее отъ оберъ-прокурора. 16-го же Декабря того же года оберъ-прокуроръ писалъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, что „теперь всѣ его ожиданія блистательно оправдались по всѣмъ четыремъ центральнымъ учрежденіямъ, изъ коихъ каждое, по числу состоящихъ въ немъ отдѣленій и чиновниковъ, соотвѣтствуетъ департаментамъ министерствъ“;

и на этомъ основаніи просилъ о сравненіи жалованіемъ своихъ служащихъ съ таковыми же другихъ министерствъ.

Всѣ эти преобразованія привели къ тому, что синодальный оберъ-прокуроръ обратился въ фактическаго министра духовнаго вѣдомства. Но разъ такое положеніе было достигнуто, непременно должны были получиться и соотвѣтственныя послѣдствія въ отношеніяхъ этого фактическаго министра съ фактически ему подчиненными, хотя юридически независимыми членами Синода и архіереями. Министръ въ своемъ вѣдомствѣ не можетъ имѣть неподчиненныхъ себѣ лицъ¹⁾, отсюда успѣшное стремленіе къ подчиненію себѣ и синодальныхъ членовъ и высшихъ духовныхъ сановниковъ, выраженное словами составителя записокъ объ этомъ времени, Измайлова такъ: „Если кто изъ синодальныхъ членовъ рѣшался возвышать голосъ въ защиту своихъ правъ или разсуждать несогласно со взглядами оберъ-прокурора, то неизбѣжно долженъ былъ считаться съ серіозною опасностью или быть устранившимся отъ присутствованія въ Св. Синодѣ, или даже оказаться переведеннымъ на худшую епархію, безъ суда и апелляціи. Если кто изъ канцелярскихъ чиновниковъ осмѣливался въ случаяхъ какихъ-либо недоразумѣній между прокуратурой и Синодомъ дѣйствовать не на противъ Синода..., то такого... или совершенно увольняли со службы или лишали всякихъ правъ на повышеніе. Ничто не оставалось неизвѣстнымъ оберъ-прокурору. Секретарямъ консисторіи было предоставлено право контроля надъ своимъ епархіальнымъ начальствомъ и вмѣнено въ обязанность доносить оберъ-прокурору обо всемъ, что происходило въ епархіяхъ“. Митрополитъ Серафимъ, вспоминая не за долго до своей смерти обстоятельства, при которыхъ произошло назначеніе графа Протасова, говорилъ будто бы: „Вы послали тогда меня... просить вамъ царя... Выпросилъ его вамъ... Теперь—стяжайте въ терпѣніи души ваши“. Самъ же Протасовъ, объясняясь съ вызваннымъ имъ по дѣламъ учебнымъ, архимандритомъ Никодимомъ, сказалъ ему: „Прошу знать меня и еще никого, ниже вашихъ архіереевъ: я вашъ заступникъ“.

Но окончательное торжество Протасова надъ іерархіей выразилось въ устраненіи имъ навсегда отъ присутствованія въ Синодѣ (въ 1842 году) обоихъ Филаретовъ, московскаго и кіевскаго. Не столько фактъ невызыванія ихъ въ Синодъ съ этого времени важенъ *самъ по себѣ*,

1) Если независимый Сенатъ и считается въ вѣдомствѣ мин. юстиціи, то это явная натяжка, допущенная для порядка, по которому все должно быть росписано по вѣдомствамъ.

сколько *важенъ поводъ* къ пререканію съ ними представителя власти гражданской. Дѣло заключалось въ различіи взглядовъ на переводъ на русскій языкъ Св. Писанія. Надо было прокурорской власти дойти до крайнихъ предѣловъ вмѣшательства въ вопросы чисто-духовнаго свойства, чтобъ она могла и вопросъ о переводѣ Писанія включить въ кругъ своего законнаго вѣдѣнія. Кончиною графа Протасова, послѣдовавшей въ 1855 году, заканчивается свое изслѣдованіе г. Благовидовъ; и, конечно, онъ избралъ самый удобный моментъ въ исторіи разсматриваемаго имъ учрежденія, чтобы на немъ остановиться. Въ лицѣ и дѣятельности графа Протасова процессъ развитія оберъ-прокурорства закончился вполне: а послѣдующая за нимъ эпоха, не прибавляя ничего новаго къ сущности этого, уже вполне выработаннаго института, еще слишкомъ близка къ намъ, чтобы служить предметомъ безпристрастнаго историческаго изслѣдованія.

Изъ того, что передано намъ г. Благовидовымъ въ его книгѣ, можно, кажется, сдѣлать довольно основательный и полный выводъ о томъ, чему поучаетъ исторія прокурорства за стотридцатилѣтній періодъ, протекшій со времени учрежденія оберъ-прокурорства до момента полнаго расцвѣта онаго. Всяческая же исторія имѣетъ цѣну только по степени ея назидательности въ настоящемъ, а слѣдовательно полезности для будущаго. Исторія оберъ-прокурорскаго института имѣетъ большой интересъ для уразумѣнія исторіи бюрократіи вообще и законовъ ея развитія. Бюрократія есть проявленіе живого, органическаго начала, принципа, который носитъ въ самомъ себѣ всѣ условія, необходимыя для роста и развитія, не только *какъ орудія служебнаго* въ рукахъ правительства, но какъ чего-то живущаго „само для себя“ и „само о себѣ“. Ей только нужна почва благоприятная и невмѣшательство высшей власти для того, чтобы изъ скромнаго саженца или даже сѣмени, разростись до исполинскихъ размѣровъ; и вовсе не вслѣдствіе потребности въ ней власти или подвластныхъ, но вслѣдствіе ей самой присущей способности развиваться изъ самой себя. Такъ, въ данномъ случаѣ мы видимъ, что „учрежденію“ должности прокурора не придавалось особаго значенія. Преобразованное Петромъ по европейски государство вполне довольствовалось расшатаніемъ церковнаго строя посредствомъ обезличенія высшаго управленія его; но оно вовсе не гналось за тѣмъ, чтобы стать самому, въ лицѣ своего представителя на мѣсто упраздненнаго митрополита всероссійскаго или патріарха. Оно хотѣло отнять у церкви ея (по западному представленію) предполагаемую способность къ противугосударственной инициативѣ; но входитъ въ кругъ ея внутренняго вѣдѣнія—не составляло

никогда предмета пожеланій нашихъ государей. Не только они никогда не выказывали намѣренія „по собственному почину“ усиливать значеніе оберъ-прокурора, но, напротивъ того, скорѣе сдерживали попытки, дѣлаемые самими прокурорами въ этомъ смыслѣ. Настоящее процвѣтаніе прокуратуры начинается вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ бюрократизма при Александрѣ I; и она, вмѣстѣ съ другими бюрократическими институтами, начинаетъ процвѣтать и развиваться только потому, что наступила эра общаго процвѣтанія этого принципа съ начала настоящаго столѣтія; и благодаря распространенію принциповъ Французской революціи, настоящей родоначальницы бюрократизма, который есть ничто иное, какъ хроническое, длительное революціонное состояніе, стремящееся постоянно замѣнить органическое начало жизни, погоней болѣе или менѣе насильственной за *абстрактными, надуманными* цѣлями „отвлеченнаго блага“. Но такъ какъ „благо“ въ широкомъ смыслѣ очень трудно конкретизируемое нѣчто, то бюрократизмъ избралъ себѣ цѣлю одинъ лишь изъ его признаковъ, наиболѣе наглядныхъ, но ничего самъ по себѣ не стоящей (если взять его отдѣльно отъ всѣхъ другихъ)—„это *вплывній порядокъ*“. И вотъ на идеѣ заведенія этого вѣчно искомаго „порядка“ и улучшенія его, бюрократія стала развиваться не по днямъ, а по часамъ. Она не находила себѣ содѣйствія высшей власти въ насажденіи этого порядка, какъ какого-то идеала, но не находила въ ней и активнаго противодѣйствія, а лишь только *непротивленіе*: власть не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что такое бюрократія въ самой себѣ, внутренно все-таки ей не довѣряла, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала себя уловлять этимъ лживымъ призракомъ порядка, который ей бюрократія представляла „какъ нѣчто само по себѣ цѣнное“. Именно этотъ-то процессъ саморазклубленія бюрократіи мы можемъ ясно прослѣдить въ специальной сферѣ нашихъ церковныхъ дѣлъ, благодаря книгѣ г. Благовидова; и она тѣмъ и является особенно полезной, что разрушаетъ совершенно довольно распространенное у насъ представленіе о сознательномъ желаніи власти гражданской въ Россіи поработить себѣ церковные порядки. У насъ церковь подавляется не государствомъ, а такою силой, которая поработила себѣ и самое государство; и, конечно, для государства еще важнѣе отъ нея освободиться, чѣмъ для церкви, такъ какъ государство есть явленіе чисто земное, и потому могущее быть въ корень изведеннымъ; тогда какъ церковь только до нѣкоторой степени можетъ страдать отъ разныхъ земныхъ испытаній, ибо по существу и „врата адовы не одолѣютъ ей“. Тѣмъ не менѣе, конечно, нельзя легко смотрѣть и на переходящія испытанія, которымъ подвергается церковь въ ея временномъ проявленіи; ибо таковое не безразлично для ея земныхъ судебъ. Нельзя

смотрѣть совершенно спокойно и на этотъ чисто канцелярскій процессъ упорядоченія церкви у насъ. Древняя русская церковь дѣйствительно была полна неурядковъ; но она старалась ихъ устранить, сколько могла, не утрачивая того, что дороже во сто кратъ „самодовлѣющаго порядка“. Отъ того она была жива и дѣйствительно проникла во всѣ изгибы общественной и государственной жизни, не замыкаясь въ предѣлахъ узкихъ какого-либо „вѣдомства“. Въ настоящее время, конечно, порядка въ дѣлахъ церковныхъ сравнительно очень много; но соответствуетъ ли оному роль церкви и ея представителей въ жизни современной нашего народа и общества?

Нельзя не обратить вниманія, при чтеніи книги г. Благовидова, на одну очень странную черту его изложенія: это на совершенное неуясненіе имъ для читателя собственнаго взгляда на абсолютное достоинство тѣхъ двухъ началъ, борьбу которыхъ за преобладаніе онъ такъ послѣдовательно излагаетъ. На чьей сторонѣ его личныя симпатіи? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ какъ будто сочувствуетъ сохраненію іерархическихъ преимуществъ Синода, а въ другихъ и благоустроительная дѣятельность свѣтской власти ему по душѣ. Сначала кажется, что это есть какъ бы пробѣлъ въ его изложеніи. Но чѣмъ болѣе вдумываешься въ излагаемое имъ, тѣмъ болѣе и самъ приходишь къ заключенію, что въ сущности послѣдовательной симпатіи нельзя имѣть ни къ той, ни къ другой сторонѣ, какъ не имѣть ея и авторъ книги. Въ дѣйствительности, ни та, ни другая сторона не представляютъ изъ себя началъ абсолютныхъ, а каждая имѣетъ и достоинства, и недостатки только относительные. Кажется несомнѣннымъ, что для человѣка истинно русскаго (а слѣдовательно и православнаго) идея подчиненія церковной іерархіи свѣтской власти не можетъ не быть чуждой; и съ этой точки зрѣнія попытка къ подчиненію ея—не сочувственна. Но вѣдь съ другой стороны, та современная іерархія, которая выработала въ себѣ начало кастическое, отдѣленная отъ народа и его жизни, замкнутая въ себѣ самой—едва ли можетъ почитаться достаточной представительницей церкви, конечно не въ смыслѣ *сакраментальномъ*, а въ бытовомъ отношеніи. Церковь земная живетъ всесторонней жизнью, въ которой не мало есть мѣста и земнымъ интересамъ. Ее можетъ представлять всецѣло только такое духовенство, которое вполне едино съ самимъ народомъ и не отрѣшилось отъ него на почвѣ своихъ кастическихъ соображеній и интересовъ. До Петра у насъ не было духовнаго сословія¹⁾ и между народомъ церковнымъ и пастыремъ не

¹⁾ Ибо не было и вообще сословія, какъ ихъ понимаютъ теперь: ученіе о сословномъ основаніи всего нашего строя пущено въ ходъ пок. Пазухиннымъ, и могло войти во всеобщее употребленіе только благодаря совершенному непониманію нашему нашей же исторіи.

лежало средостѣніе *сословности*. Но разъ она образовалась, явилось непремѣнно и нѣкоторое различіе между *церковностью чистою* и *церковностью клерикальною*; и вотъ эта-то послѣдняя, начиная все болѣе и болѣе обрисовываться, вызываетъ органически себѣ отпоръ въ свѣтскомъ, гражданскомъ элементѣ, олицетворенномъ высшей властью и ея представителями. Такимъ образомъ тотъ самый оберъ-прокуроръ, который явился сначала представителемъ лишь элемента государственнаго въ широкомъ смыслѣ, теперь уже окрашивается совсѣмъ другимъ свѣтомъ: онъ является представителемъ антиклерикальнымъ (въ той, конечно, лишь средѣ, которая создала клерикализмъ), и, конечно, въ этой функціи онъ уже совсѣмъ не только то, чѣмъ онъ является въ качествѣ лишь *бюрократа*. Вотъ почему, вѣроятно, г. Благовидовъ и не имѣетъ опредѣленнаго взгляда для оцѣнки тѣхъ фактовъ, съ которыми онъ насъ знакомитъ. Да и мы сами затруднились бы отдать наши симпатіи той или другой сторонѣ, сознавая, что самая описываемая борьба есть только продуктъ искаженія всего строя нашей жизни, которое не могло не отразиться и на внѣшнемъ строѣ нашей церковности¹⁾.

Книга г. Благовидова есть отдѣльный оттискъ статей, появившихся въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1897—1899 годы. Нельзя не поблагодарить за то, что онъ собралъ ихъ въ отдѣльный томъ и сдѣлалъ ихъ содержаніе общедоступнымъ.

Д. Х.

1899 года.

¹⁾ Конечно, эта борьба началъ свѣтскаго и іерархическаго должна разрешиться рано или поздно; но едва ли можно и даже едва ли должно желать этого разрешенія помимо общаго возрожденія нашего государственно-общественнаго строя *на началахъ древне-русскихъ*, порушенныхъ съ начала XVIII вѣка. Стремленіе къ этому возрожденію, кажется даетъ себя чувствовать уже теперь; но пока оно не дозрѣло—желательно, чтобы какъ можно менѣе формально измѣнилось существующее: когда растаетъ ледъ естественно, онъ „во образѣ водномъ“ смываетъ накопившіяся за зиму соръ. Искусственное преждевременное устраненіе льда дѣлаетъ то, что соръ не смывается; и оттого въ воздухѣ развиваются незамѣтные для глаза, а только для тонкаго обонянія міазмы. При возрожденіи Россіи отъ двухсотлѣтняго умственного сна общественнаго, если ему суждено быть, смоятся отжившія чуждыя формы; вѣроятно исчезнетъ и теперешній Синодъ и теперешнее оберъ-прокурорство. Но пока Синодъ—учрежденіе сословно-клерикальное—умѣреніе его сословности общегражданскими началами—необходимо.